

Бутенина Евгения Михайловна

ИГРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается своеобразие игрового литературного текста, составляющего одну из ключевых особенностей мифотворческой поэтики Сергея Довлатова, в оригинале и англоязычных переводах. Анализ англоязычных версий рассказов, опубликованных в журнале "Нью-Йоркер", и повести "Заповедник", переведенной дочерью писателя, показывает, что в ранних переводах многие элементы этого текста подвергались компрессии, тогда как в последних переводах они сохранялись, в том числе благодаря лингвокультурологическим заменам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/5/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (107). С. 23-25. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

**SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL PECULIARITIES OF DESCRIBING THE SECTION
“RULED SURFACES” IN THE DESCRIPTIVE GEOMETRY COURSE****Borovikov Ivan Fedorovich**, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor**Kalinin Viktor Isakovich****Ovsyannikova Tat'yana Nikolaevna***Bauman Moscow State Technical University**bif1986@mail.ru; ovm21@yandex.ru*

Ruled surfaces are often used while actually modeling technical forms. However the presentation of this kind of material in academic courses does not satisfy the modern state of descriptive geometry. The majority of textbooks do not cover important issues associated with the practice of the ruled surface construction. The article examines the material, which would be reasonable to include into academic courses because its understanding will help students in their future professional activity.

Key words and phrases: descriptive geometry; ruled surfaces; order of surface; one-to-one correspondence; directing curves; reducible surface; isotropic right lines.

УДК 820(73)

Филологические науки

В статье рассматривается своеобразие игрового литературного текста, составляющего одну из ключевых особенностей мифотворческой поэтики Сергея Довлатова, в оригинале и англоязычных переводах. Анализ англоязычных версий рассказов, опубликованных в журнале «Нью-Йоркер», и повести «Заповедник», переведенной дочерью писателя, показывает, что в ранних переводах многие элементы этого текста подвергались компрессии, тогда как в последних переводах они сохранялись, в том числе благодаря лингвокультурологическим заменам.

Ключевые слова и фразы: Сергей Довлатов; игровой текст (дискурс); «Нью-Йоркер»; рецепция; русская классика; Екатерина Довлатова.

Бутенина Евгения Михайловна, к. филол. н.*Дальневосточный федеральный университет**eve-butenina@yandex.ru***ИГРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ**

Сергей Довлатов, как неоднократно отмечалось в американской прессе, достиг в США небывалого для автора-эмигранта успеха, поскольку при жизни писателя, с 1980 по 1989 годы, в элитарном еженедельнике «Нью-Йоркер» было опубликовано десять его рассказов. Это два рассказа из сборника «Компромиссы» («Юбилейный мальчик» и «Чья-то смерть», в оригинале – «Компромиссы» пятый и одиннадцатый), последняя глава «Зоны» (под заглавием «По прямой»), пять рассказов из сборника «Наши» («Дядя Леопольд», «Дядя Арон», «Отец», «Мой старший брат» и «Полковник говорит – люблю») и два рассказа из сборника «Чемодан» («Поплиновая рубашка», в переводе переименован в «Фотоальбом», и «Шоферские перчатки»).

Стиль Довлатова совпал с «такой неуловимой вещью, как вкус литературных редакторов “Нью-Йоркера”» [6], во многом благодаря его переводчицам. Восемь рассказов для «Нью-Йоркера» перевела Энн Фридман, которую Довлатов ценил очень высоко и даже считал своим англоязычным соавтором [3, с. 203]; последние два рассказа перевела Антонина Буа, чьим переводам писатель тоже отдавал должное [13]. К ключевым особенностям мифотворческой поэтики Сергея Довлатова относится игровой литературный текст. На примере рассказов, опубликованных в журнале «Нью-Йоркер», и повести «Заповедник», переведенной дочерью писателя, в статье рассматривается, как значим этот элемент в оригинале и насколько он сохраняется в англоязычных переложениях.

Из перечня рассказов, опубликованных в «Нью-Йоркере», видно, что половина из них составляет историю семьи. В прозе Довлатова эту историю излагает псевдоавтобиографический рассказчик, которому свойственно ее мифологизировать, обрамляя игровыми литературными аналогиями. В рассказе «Дядя Леопольд» повествователь представляет своего отца, Доната, и двух его братьев, Михаила и Леопольда: «У моего еврейского деда было три сына. (Да не смутит вас эта обманчивая былинная нота)» [4, т. 2, с. 169]. На первый взгляд комичное соположение еврейства и былинности наряду с причудливой комбинацией имен трех сыновей определяет авторскую задачу: исподволь соединить еврейскую историю с русской литературой. В переводе упрощен авторский комментарий, былинность заменена на сказочность и вкраплено упоминание о месте рождения сыновей, очевидно, для придания фольклорного колорита дальних земель: “My Jewish grandfather in Vladivostok had three sons, just as in a fairy tale” [12, p. 25].

Сообщив о смерти «носителя чисто православного имени Михаил» в блокадном Ленинграде, рассказчик замечает: «В имени Михаил – глухое предвестие ранней трагической смерти. (Вспомните Лермонтова,

Кольцова, Булгакова...)» [4, т. 2, с. 169-170]. Это – очень значимый ряд: русский поэт – русский еврейский журналист (настоящее имя Михаила Кольцова – Моисей Фридлянд) – русский писатель, а в многоточии – имя дяди, писавшего стихи, и тысячи других, неизвестных, русских и еврейских имен. В переводе весь трагический контекст имени Михаил пропущен и сохранена только комическая составляющая его литературной биографии: в молодости он «сколотил на Дальнем Востоке футуристическую группировку» и даже получил «умеренно хамское, дружеское письмо» от Маяковского (“less rude and more friendly than his usual”). Однако стихи дяди оказались довольно беспомощными, а строчки «Я весь дрожал, и мне хотелось, / Об стенку лоб разбив, – упасть...» спровоцировали ответную реплику Маяковского «Пошли дурака Богу молиться, он и лоб разобьет» [Там же, с. 169]. В переводе оборот «разбить лоб» передан разными лексемами и каламбур полностью утрачен: строки дяди “I was a-tremble, and I yearned / To beat my brow against a wall, to fall...” никак не откликаются во фразе “A fool prays to God and ends up *cracking his skull*” [11, p. 25].

Отцу посвящен отдельный рассказ, в котором говорится, что он «выглядел молодожавым, довольно элегантным. И все-таки казался обитателем горьковской ночлежки» и «напоминал разом – Пушкина и американского безработного» [4, т. 2, с. 200]. Это описание передано практически дословно: “He looked youthful and elegant and yet at the same time like someone out of the ‘Lower-Depths’ flop-house. He looked like a cross between Pushkin and an American on unemployment” [9, p. 34]. Если судьба старшего брата Михаила тяготела к трагедии, а младшего, Леопольда, – к комедии, то средний брат, Донат, уравнивал эти начала и в актерской профессии, и в своей театрализованной жизни, где у него «шли в одной упряжке радость и печаль» [4, т. 2, с. 198].

Вариативность довлатовского литературного мифа раскрывается в двух историях о жене-музе, «Полковник говорит – люблю» и «Фотоальбом». Фраза, ставшая заглавием первого рассказа, позволяет довлатовскому герою избежать ответа на вопрос жены о его чувствах, сославшись на полковника ОВИРа, который решил вопрос любви к семье за него и выдал ему визу. Для себя герой резюмирует: «Любовь – это для подростков... Тут уже не любовь – судьба...» [Там же, с. 240]. Рассказ «Полковник говорит – люблю» «Нью-Йоркер» включил в свой проект *Fiction Podcast*, в котором каждый месяц популярный писатель читает текст из архивов журнала и беседует о нем с редактором проекта. Эту историю выбрал известный русско-канадский писатель Дэвид Безмозгис и в своих комментариях подчеркнул необыкновенный юмор Довлатова, современность его прозы и ее родственность американской псевдоавтобиографической традиции, представленной, в частности, Филипом Ротом [7].

В последнем из опубликованных в «Нью-Йоркере» рассказов, «Шоферские перчатки», повествователю доводится попробовать себя в роли Петра в любительском фильме Юры Шлиппенбаха, не расстававшегося с одноклассником Пушкина, чтобы каждому встречному зачитывать строки из «Полтавы» о «пылком» однофамильце. В благодарность за этот эпитет ленинградский Шлиппенбах уподобляет сотворенного им ленинградского Петра пушкинскому предку и при виде рассказчика в гриме восторженно восклицает: «Типичный царь! Арап Петра Великого...» [4, т. 2, с. 334]. В переводе Антонины Буа Шлиппенбах переименован в нейтрального Филимонова, в восклицании о царе арап не упоминается и комичная пушкинская аллюзия полностью утрачена [8].

Пушкинский игровой текст Довлатова особенно значим в повести «Заповедник» (1983), которую Екатерина Довлатова в переводе назвала «Пушкинские горы». Книга уже выдержала два издания и получила немало положительных отзывов. В послесловии к американскому изданию «Пушкинских гор» известный гарвардский литературовед и обозреватель «Нью-Йоркера» Джеймс Вуд заметил, что из пушкинского заповедника Довлатов создает «микрокосм советского общества», и подобный космос «историй, людей, воспоминаний, анекдотов и шуток и даже дат национальной истории» носил в себе набоковский Тимофей Пнин [15, p. 150]. Рецензент «Гардиан» Фиби Таплин пришла к выводу, что герой Довлатова в каком-то смысле «классический пример отлнительно не-советской фигуры “лишнего человека”, популяризированной Лермонтовым и Тургеневым» [14].

В своих «служителях пушкинского культа» Довлатов пародирует некоторые черты поэта, о которых тот и сам отзывался с иронией. Так, строки «Лишь я судьбе во всем послушный, / Счастливой лени верный сын, / Всегда беспечный, равнодушный...» отозвались в фигуре «гения чистого познания» Митрофанова, «фантастическая» лень которого не позволяла ему применить феноменальную эрудицию, пока он не нашел свое призвание в качестве экскурсовода в Михайловском [4, т. 1, с. 354-355]. Если Митрофанов – пародия на лень гения, то в любителе вина и женщин Потоцком, в обществе «прекрасной дамы» умеющем поговорить о своем таланте и «бесчинствах цензуры», а на прощание «шелкнуть стоптанными каблуками», можно увидеть пародию на светскость поэта [Там же, с. 384-385].

Себя рассказчик, Борис Алиханов, сопоставляет с Пушкиным на том основании, что и у поэта «тоже были долги и неважные отношения с государством. Да и с женой приключилась беда. Не говоря о тяжелом характере...» [Там же, с. 394]. Иронизируя по поводу этой самоидентификации, в пушкиногорских алкоголиках Михал Иваныче и Валере Маркове Алиханов обнаруживает «что-то аристократическое» [Там же, с. 350, 398]. Марков, по мнению экскурсовода Натэллы, ироничность которой по отношению к пушкиногорцам созвучна отношению к ним рассказчика, – «единственный порядочный человек» [Там же, с. 341] в заповеднике. Закономерно, что именно в этом обладателе «рыжеватых кудрей до плеч» Алиханов находит компаньона, с которым они, «как утверждает Натэлла, выдавали себя за Пушкина и Баратынского» во время многодневного загула [Там же, с. 402].

Для высмеивания официозного пушкинского мифа Довлатов прибегает к столкновению высокопарности ревностных музейных служителей и пародийности заповедника, где даже официант обладает «громкими войлочными бакенбардами» [Там же, с. 327]. Так, в ответ на фразу экскурсовода Галины о том, что «тут все живет и дышит Пушкиным. <...> Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота...», «...из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач», и «дико заорал»: «Борька, хрен моржовый, ты ли это?» [Там же, с. 333]. В студенческие годы Гурьянов прославился тем, что даже

к передаче экзамена не прочел «Повестей Белкина» и сообщил профессору Бялому, что ему понравилась повесть «Домбровский» [Там же, с. 406].

Екатерина Довлатова передала текст «Заповедника» очень близко к оригиналу. В эпизоде с Гурьяновым она прибегает к лингвокультурной компенсации и вместо «Домбровского» создает «Повести Ивана Онегина» [11, р. 124], остальные же приведенные цитаты переводит практически дословно, сохраняя при этом ритм оригинала и сопровождая текст примечаниями. Приведем ее перевод следующих важных для автора размышлений: «Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. <...> Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее. Его литература сродни молитве, природе...» [4, т. 1, с. 361]. / “What intrigued me most about Pushkin was his Olympian detachment. His willingness to accept and express any point of view. His invariable striving for the highest, utmost objectivity. <...> His literature is above morality. It transcends morality and even takes its place. His literature is akin to prayer, to nature” [11, р. 57].

О глубокой связи прозы Сергея Довлатова с традициями русской литературы, особенно с Пушкиным и Чеховым, писали и российские [2; 5], и зарубежные исследователи. Символично, что в 1999 году на оксфордской конференции «Двести лет с Пушкиным» о пушкинском начале в «Заповеднике» говорила Катерина Янг, автор первой англоязычной монографии о Довлатове [16], и в том же году вышли материалы первой международной конференции «Довлатовские чтения», где доклад «Пушкин у Довлатова» сделал Александр Генис. В своем выступлении Генис отметил, что в «Заповеднике» Довлатов проживает пушкинский миф, и в этом тексте особенно важно «само пушкинское мировоззрение, воплощенное не в словах, а в образах – в героях» [1]. Заметим, что о «пушкинско-хэмингуэевской» интонации Довлатова писал И. Н. Сухих [5, с. 160].

Ограниченное сочетание русской и американской литературных традиций в прозе Довлатова обусловило ее значимое место в переводном корпусе современной отечественной словесности. Однако анализ перевода рассказов Довлатова показал, что многие элементы его игрового литературного текста утрачены и в переводах Фридман, и в переводах Буа, хотя нередко подобную компрессию трудно объяснить культурологическими причинами. Перевод дочери писателя выполнен с большим вниманием к оригиналу, что, наряду с интересом к писателю современных русско-американских авторов, дает надежду на новые, более точные, переводы книг Довлатова на английский язык.

Список литературы

1. Генис А. Пушкин у Довлатова [Электронный ресурс]. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/genis2.html> (дата обращения: 15.04.2016).
2. Доброзракова Г. А. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX-XX веков: дисс. ... д. филол. н. М., 2012. 425 с.
3. Довлатов С. Д. Переводные картинки // Иностранная литература. 1990. № 9. С. 203-206.
4. Довлатов С. Д. Собрание прозы: в 3-х т. СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 384 с.; Т. 3. 384 с.
5. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 1996. 381 с.
6. Херсберг Х. Журнал, который называет себя лучшим в мире. История «Ньюйоркера» [Электронный ресурс]: интервью. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/24200109.html> (дата обращения: 15.04.2016).
7. David Bezmozgis Reads Sergei Dovlatov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newyorker.com/podcast/fiction/david-bezmozgis-reads-sergei-dovlatov> (дата обращения: 15.04.2016).
8. Dovlatov S. Driving Gloves / tr. by Antonina W. Bouis // The New Yorker. 1989. May 8. P. 36-40.
9. Dovlatov S. Father / tr. by Anne Frydman // The New Yorker. 1987. November 30. P. 34-36.
10. Dovlatov S. My First Cousin / tr. by Anne Frydman // The New Yorker. 1983. December 5. P. 50-58.
11. Dovlatov S. Pushkin Hills. Berkeley: Counterpoint, 2014. 167 p.
12. Dovlatov S. Uncle Leopold / tr. by Anne Frydman // The New Yorker. 1987. July 13. P. 25-30.
13. Stivers V. Translating Pushkin Hills: An Interview with Katherine Dovlatov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theparisreview.org/blog/2014/03/26/translating-pushkin-hills-an-interview-with-katherine-dovlatov> (дата обращения: 15.04.2016).
14. Taplin P. Pushkin Hills by Sergei Dovlatov – Review [Электронный ресурс] // The Guardian. 2013. October 5. URL: www.theguardian.com/books/2013/oct/05/pushkin-hills-sergei-dovlatov-review (дата обращения: 15.04.2016).
15. Wood J. Afterword // Dovlatov S. Pushkin Hills. Berkeley, 2014. P. 141-152.
16. Young E. Sergei Dovlatov and His Narrative Masks. Evanston: Northwestern University Press, 2009. 271 p.

SERGEI DOVLATOV'S GAME LITERARY TEXT IN THE ORIGINAL AND IN THE TRANSLATION

Butenina Evgeniya Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Far Eastern Federal University
eve-butenina@yandex.ru

The article discusses the singularity of game literary text, which is one of the key features of Sergei Dovlatov's mythogenic poetics, in the original and in the English translations. The analysis of the English versions of the stories published in the magazine "The New Yorker" and the narrative "Pushkin Hills" translated by the daughter of the writer shows that in the early translations many of the elements of this text were subjected to compression, whereas in the later translations they were preserved including due to linguocultural substitutions.

Key words and phrases: Sergei Dovlatov; game text (discourse); "The New Yorker"; reception; Russian classics; Ekaterina Dovlatova.